

Иероним Ясинский

Грёза

Иероним Иеронимович Ясинский

Грёза

Аннотация

«Павел Иваныч Гусев сидел в кресле после хорошего домашнего обеда, положив короткие руки на живот и уронив на грудь большую голову, с двойным жирным подбородком.

Было тихо в доме, маленьком, деревянном, каких много за Таврическим садом. Жена Павла Иваныча бесшумно как тень сновала по комнатам, чтобы укротить детей, которые и без того вели себя отменно благонаравно, и лицо её, жёлтое и в мелких морщинках, выражало почти ужас, а губы, бескровные и подвижные, шептали угрозы, сопровождаемые соответственными жестами...»

Иероним Ясинский

Грёза

Павел Иванович Гусев сидел в кресле после хорошего домашнего обеда, положив короткие руки на живот и уронив на грудь большую голову, с двойным жирным подбородком.

Было тихо в доме, маленьком, деревянном, каких много за Таврическим садом. Жена Павла Ивановича бесшумно как тень сновала по комнатам, чтобы укротить детей, которые и без того вели себя отменно благо нравно, и лицо её, жёлтое и в мелких морщинках, выражало почти ужас, а губы, бескровные и подвижные, шептали угрозы, сопровождаемые соответственными жестами.

Только со стороны Таврического сада доносились звуки плохого оркестра, нарушая благоговейную тишину, которою окружали счастливого отца семейства его трепетные домо-чадцы.

А он дремал.

Ему грезилась его молодость, и яркие картины пёстрой толпой обступали его, выплывая из сумрака прошлого.

Почти у самого моря раскинулся городок Тихий. Место плоское, ни деревца вокруг, только степь. Пять церквочек белются как фарфоровые игрушки под ясным небом, где горит солнце, обильно проливая лучи свои на землю. В каменных лавках, над дверями которых здесь и там краснеются

куски кумача, спят купцы. Греки, с жёлто-смуглыми лицами, играют на улицах в шашки. Плетётся старуха в безобразных лохмотьях и ведёт за руку голую девочку с дикими глазёнками. Везде закрыты ставни. Лень окутала и повила городок, наполнила собою его атмосферу точно незримое облако; нет здесь человека, который не зевал бы и не кис в эти мучительные дни летней истомы благословенного юга.

Но в чистеньком домике, с цветниками, поливаемыми аккуратно утром и вечером и освежительно благоухающими, в особенности когда с моря потянет ветерком, бодрствует живое существо.

Павел Иваныч знает, кто это. Посвистывая, смотрит он в окно на пыльную улицу, где курица вырыла ямку и купается в ней; или вдруг нетерпеливо вскочит, ходит по комнате с низеньким потолком; под ним скрипят половицы, а посуда звенит в высоком жёлтом шкафу; потом он останавливается, задумывается, охорашивается перед зеркалом и поглаживает только что пробившиеся усики, и опять ходит, и опять смотрит на улицу...

Наконец, бьёт желанный час. Солнце уже несколько село, и кресты на церквах искрятся багровым огнём. На синем небе показались облака с золотисто-розовыми краями, и серая сухая земля начинает чуть-чуть алеть...

Павел Иваныч торопливо хватается за шляпу (у него была тогда соломенная шляпа с широкими полями, и он находил, что она очень идёт ему, к его чёрным кудрям). Через пять

минут он уже в чистеньком домике с ароматными цветниками, и его ласково встречают там.

Сердце его усиленно бьётся, глаза блестят, горят щёки, дрожит голос...

* * *

Раечка Муханова была простая девушка. На первый взгляд ничего не было в ней особенного. Нарядно она не одевалась и чаще всего носила коричневое шерстяное платье, точно жаль ей было расстаться со своим гимназическим костюмом, хоть гимназию она уж и окончила. Мудрёных слов она не произносила, не увлекалась модными писателями. Обо всём она старалась составлять себе независимые мнения, но мнения эти, когда она их высказывала, не поражали и казались заурядными. Книги читала долго, со стороны можно было подумать, что они ей в тягость, и она над ними скучает. Шекспира она читала целый год. Многое её и совсем не интересовало. Раскроет книгу, прочитает страницу, скажет: «Ну, это что-то не по мне», и уж больше не станет читать. У неё были подруги, и она их любила, но эта любовь никогда не выражалась пламенно. Они поверяли ей свои «тайны», но у неё самой тайн не было, а если б и были, едва ли бы она стала выдавать их. Отец и мать полагали, что у неё холодная натура, и что из неё выйдет чудесная жена и мать семейства. Она улыбалась, когда они заговаривали с нею о заму-

жестве, и отмалчивалась. Вообще, она была молчаливая, и мать рассказывала, что Раечка иногда напролёт просиживает ночи у окна и неподвижно смотрит вдаль широкими глазами. Наружность у неё тоже была не особенная. Обыкновенный глаз, близорукий, ничего не увидел бы выдающегося на этом почти некрасивом лице, с большим лбом, открытыми висками и бледной, загибающейся на концах книзу линией тонкого рта. Но было что-то нежное и хорошее в её глазах. Цвета они были неопределённого, не то серые, не то синие, сегодня кроткие и задумчивые, завтра строгие и пронизательные. Ноздри узкого прямого носа были тонко очерчены и придавали что-то сосредоточенное её лицу, обыкновенно немного наклонённому, не бледному и не румяному, обрамлённому густыми русыми волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.